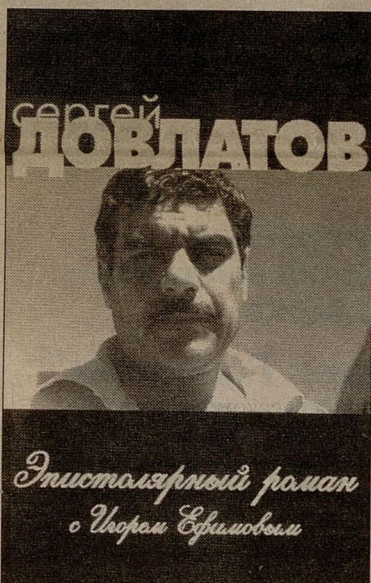

ИГОРЬ ЕФИМОВ

Игорем Ефимовым» пало жертвой слепой российской Фемиды. Вдова писателя отсудила неслыханную сумму, но дело еще не закончено. Что это — элементарная человеческая корысть или политическая месть за пару не очень «удобных» для Кремля книг, ваш корреспондент Алексей Федоров и попытался выяснить. Больше десяти лет назад заместитель главного редактора «Независимой газеты» «первого созыва» Игорь Захаров, с тоской выслушав на редколлегии очередное нытье Третьякова о том, понравится ли нечто публикуемое Кремлю или нет, ушел первым. Потом стало скучно и нам. И немного голодно. Только Игорь, плюнув на политику, вместе с любимой женой Ирой Богат занялся любимым же делом — изданием «хорошего» и «очень хорошего», а мы кинулись лепить очередную «идеальную» газету. Но от политики, судя по последним событиям, Захарову избавиться так и не удалось. А как не хочется вспоминать так хорошо забытое советское слово «травля».

Эпистолярный роман
с Игорем Ефимовым

— На этой книге написано: Сергей Довлатов. «Эпистолярный роман с Игорем Ефимовым»; переворачиваешь — тут написано: Игорь Ефимов. «Эпистолярный роман с Сергеем Довлатовым».

Кто такой Довлатов — понятно: это личность почти легендарная; а вот Ефимов... Ефимов — это его ровесник, стариннейший питерский приятель. Они оба начинали писать. Они оба ходили по питерским редакциям журналов «Костер», «Пионер», «Звезда» и проч. У обоих от-

Эпистолярный роман
с Сергеем Довлатовым

Игорь Захаров, владелец «однофамильного» издательства, известен народу в первую очередь как первооткрыватель любимого этим народом Акунина. Не детективом единым, пусть даже очень качественным, живет эта «фабрика интеллектуальной литературы». Первая наделавшая шума редакция «Войны и мира» Толстого, переписки и дневники известных людей, юная, но качественная современная проза, которую кому-то нужно было взять на себя смелость открыть, — все это «Захаров». Скандальное издание «Эпистолярного романа Сергея Довлатова с

Игорем Ефимовым» пало жертвой слепой российской Фемиды. Вдова писателя отсудила неслыханную сумму, но дело еще не закончено. Что это — элементарная человеческая корысть или политическая месть за пару не очень «удобных» для Кремля книг, ваш корреспондент Алексей Федоров и попытался выяснить. Больше десяти лет назад заместитель главного редактора «Независимой газеты» «первого созыва» Игорь Захаров, с тоской выслушав на редколлегии очередное нытье Третьякова о том, понравится ли нечто публикуемое Кремлю или нет, ушел первым. Потом стало скучно и нам. И немного голодно. Только Игорь, плюнув на политику, вместе с любимой женой Ирой Богат занялся любимым же делом — изданием «хорошего» и «очень хорошего», а мы кинулись лепить очередную «идеальную» газету. Но от политики, судя по последним событиям, Захарову избавиться так и не удалось. А как не хочется вспоминать так хорошо забытое советское слово «травля».

вергали рукописи, оба дружили, гуляли, пьянствовали, ухаживали за барышнями — в общем, делали то, что и полагалось делать молодым советским писателям в 70-е годы.

Дальше они не расстались, а в конце 70-х годов вместе эмигрировали в Соединенные Штаты Америки. Конечно, это была не строго вынужденная эмиграция, но оба уехали и оказались вокруг Нью-Йорка. Один — в самом Нью-Йорке, другой — в Нью-Джерси, на другом берегу реки. Игорь Ефимов, как человек более выдержанный и организованный, сразу же устроился в издательство «Ардис» к Карлу Профферу, знаменитому американскому профессору и издателю, который единственный тогда издавал советскую литературу, а не антисоветчину.

— Славику.

— Славику и Литературу с большой буквы. Романы. А уж за советскую власть или против — это дело второе. Довлатов с Ефимовым не только продолжали дружить, но и переписывались, хоть и жили в 30 км друг от друга. Они были последним поколением писателей, которые именно писали друг другу письма. На печатных машинках. Факсов не было. Причем, как настоящие писатели, они их правили и корректировали. Больше десяти лет они таким образом переписывались — делились новостями, сплетнями, планами... Потом Ефимов сам организовал издательство, «Эрмитаж», но периодически посылал Карлу то свои произведения, то Довлатова, то еще чьи-нибудь.

Они встречались на всевозможных симпозиумах, ездили друг к другу в гости, ссорились, мирились — у них были творческие расхождения, расхождения между издателем и редактором — Ефимов начинал его править... Например, не там запятую поставил, не ту обложку... и т.д. Нормальная жизнь.

Потом они даже поссорились... Один решил, что другой ему завидует, а другой — что он недостаточно его любит и уважает. Сам понимаешь — у них же ранимая душа. И они все кладут на бумагу. Им нужно выговориться. По существу, ведь нормальные люди машут рукой, а им надо все положить на бумагу и все оценить. И разумом, и душой. Поэтому они часто

Сергей Довлатов:

ссорятся, часто мирятся, потом опять ссорятся, включая какие-то бытовые вещи: один другого не подвез после пьянки, например, а он его не подвез, потому что побоялся везти, не будучи трезв, а другой решил: «А-га — ты зазнался...»

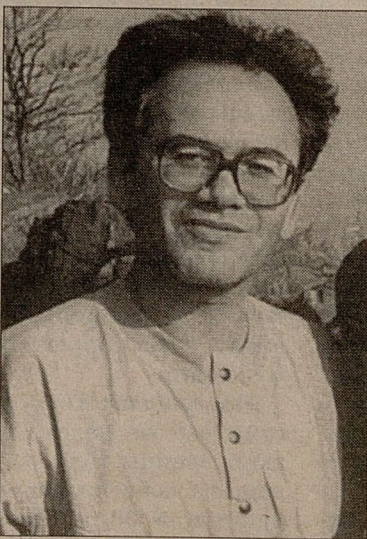
Но на фоне таких вот бытовых мелочей — типа кто кому бутылку не поставил — вдруг они решают проблемы мироздания, они выясняют, что лучше — правда или истина, есть ли Бог и т.д. — как и любые нормальные писатели...

Потом Довлатов скоропостижно, трагически и неожиданно умирает... А Ефимов продолжает жить в Нью-Джерси и, как человек творчески организованный, хранит не только письма Довлатова, но и свои копии — ведь печатал он на машинке и даже переносил правку на второй экземпляр. И вот года три назад Ефимов собирает эту двустороннюю переписку (это не письма к нему, это примерно поровну — грубо говоря, по сотне писем), выбирает и отправляет в свое любимое издательство — журнал «Звезда» в Питере, где теперь главные — те же люди, с которыми он... тогда... Ну, понятно. Говорит им, что получился роман со своим сюжетом, со своим развитием, кульминацией и развязкой... И потом там много Довлатова, да и я (Ефимов) тоже не хрен с горы. Пора печатать. Они читают и говорят: конечно, надо напечатать!

— И вот откуда тут взялась Елена Довлатова?

— Есть авторское право. Нормальные люди не понимают. И вообще это очень трудно понять. Ко всему сочиненному есть два подхода. Есть имущественные права.

Я написал тебе письмо, и это твое письмо. Я написал тебе книжку: «Дорогой Леша, я тебя люблю и уважаю, беру за хвост и провожаю» — и дарю тебе эту книжку. Чья это книжка и чья это надпись? Твоя. Или ты можешь купить у меня рукопись «Войны и мира», и эта рукопись будет находиться у тебя. Но, чтобы напечатать, полагается спрашивать про авторские права. По закону они принадлежат не только тому, кому ты это написал, но и наследникам. В течение 50 лет после смерти автора никто не может ничего напечатать, не спросив разрешения у того (у жены, например, или дочери), кому эти права передали. Иногда передают бог знает кому. Есть смешная история. В том же Питере была знаменитая старуха Лидия Яковлевна Гинзбург. Историк литературы, эссеист... И к ней ходил, чай пил, разговоры разговаривал молодой поэт Александр Кушнер. Она ему завещала не диван, не квартиру, не картины. Она завещала ему свое литературное наследие. И теперь, когда мне хочется напечатать дневник Лидии Яковлевны Гинзбург, я должен кланяться в ножки господину

Меркантильный Кушнер

Объявившая себя
единоличной наследницей
третьей бывшей жены Сергея
Елена Довлатова

Кушнеру. Который поэт хороший, но деньги любит еще больше. Это совершенно другая этика. У него лежат полные тексты, которые он готов напечатать, но если ему сначала дадут 12 тысяч долларов аванса. Таких денег нет. Таких денег не заработаешь на деньниках. Это не Маринина. Это не Акунин. Но... Есть душеприказчик.

Вот ты спрашиваешь: а что Елена Довлатова? Елена Довлатова — третья жена. А вообще-то не жена. Они ведь развелись перед отъездом. Для того, чтобы уехать. И они ведь порознь выезжали. А там они, и это не секрет, хоть это и не афишируют, не регистрировали свой брак. Она все эти годы получала пособие как мать-одиночка. Муниципалитет оплачивал квартиру, какие-то «пайковые» давали детям, ну и так далее. Их там ловили пару раз за то, что они получали какое-то пособие на детей. А вот вы же вместе живете, сожительствуете — значит он фактически ваш муж, и вообще, кажется, вы были зарегистрированы... Другая его жена — в Калифорнии, а еще одна живет в Прибалтике.

— При таком количестве равноправных наследников вступает в силу вопрос о завещании.

— Я говорил и говорю: завещания нет. Ему не было пятидесяти, и он не собирался умирать. У него не было миллионов, которые нужно было завещать. Он умер совершенно неожиданно, в чужой кровати. Завещания нет как такового. Есть нотариально заверенное решение — кому диван там остается, ну, такие житейские вещи.

— Почему тогда Елена Довлатова апеллирует к некоему завещанию?

— На суде была предъявлена бумага, заверенная какой-то американской юридической инстанцией. Сидящий в Америке Ефимов...

— Сидящий на радио «Свобода»...

— И жена Ефимова продолжает работать на «Свободе», они все работают на «Свободе», и Елена Довлатова тоже. Мне звонит мой автор Аркадий Львов, работающий на «Свободе». Он говорит, что после этого суда они устроили совещание (с чаепитием) и долго обсуждали разные аспекты: что за завещание, кто-нибудь видел когда-нибудь его? Никто никогда его не видел, и вообще как он мог написать его... У кого из вас, поднимите руки, есть завещание, при жизни написанное? Ни у кого из них нет. Это даже не вопрос денег. Я, говорит Ефимов, сейчас пойду к Малику, он в Америке легализованный наш адвокат, и он напишет мне завещание даже не за пол-литра, а просто за красивые глазки.

Мне ничего не предъявили. Я просил, я прошу по сей день в письменной и в устной форме: предъявите полномочия. Вот ты возьмешь и приедешь завтра со словами: «Значит, так: интересы Мандельштама представляю я. Деньги мне!» Должен быть документ. Это естественно, это на уровне паспорта, с которым ты ходишь на почту за посылкой.

Но журнал «Звезда» в Питере говорит: надо у Лены спросить. Ефимов отвечает: не надо, я уже спрашивал, она не хочет. А почему она не хочет — она миллион уже писем пропускала? Они высчитали: вот эта книга — уже 17-я публикация писем Довлатова во многих журналах, книгах и воспоминаниях. Нет формального запрета. Есть формальный запрет, письменный, нотариально заверенный, от Бродского — нельзя печатать письма Бродского.

В общем, в течение года рукопись «Эпистолярного романа» циркулирует по разным издательствам, и все боятся ее печатать. У нас же страна перепуганных дураков и идиотов — они ведь и Шендеровича боятся печатать, они все боятся печатать. Они и Довлатова боятся печатать.

И вот однажды я зашел в магазин («Кентавр» в Гуманитарном университете). И какой-то чуть ли не товаровед мне: «А вы видели рукопись?» Нет, говорю, я чего-то слышал... «А вот недавно мы узнали, что очередное издательство отказалось. А давайте мы вам дадим?» И там мне дали рукопись, прекрасную рукопись. Это такой текст, ради которого стоит. Поэтому что я не адвокат — защитник интересов вдов. Я адвокат — защитник интересов читателя. Конечно, там интересней Довлатов. Добрее, шире, не то что этот «мелочный» Ефимов. И надо отдать должное Ефимову — за то, что преодолел, переступил через свое самолюбие, признал, что есть вот выше него. И мы заключили договор с Ефимовым, где оговаривается, что (раз два автора, то и гонорар делится на два) вторая ефимовская часть гонорара по его желанию пойдет Елене Довлатовой. Может, хоть это ее до-

Еще наследница — дочь
Сергея от Елены — Катя

полнительно подвигнет на согласие. Кстати, мы сделали некоторые купюры.

— В письмах было что-нибудь про нее, может, не слишком лицемерное? Не в этом ли причина отказа?

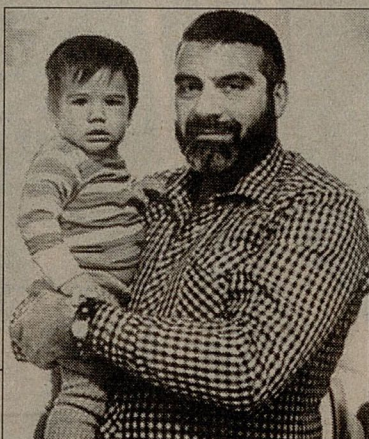
— Там есть немножко. Ерунда. Там есть такое местечко, я его почти дословно цитирую: «Лена стала на меня наезжать за то, что я завел шапки с Машкой. Уж молчала бы, старая дура, — я же терплю, что она е...т с Петькой». Сколько здесь правды — это совершенно не важно.

— Довлатов ведь не всегда писал правду и готов был ради красного словца «переплыть Миссисипи».

Наследство или наследие?

Еще наследница — первая бывшая жена Достоевского — Ася Пекуровская

Еще наследник — сын Достоевского от Елены — Коля

Еще наследники — вторая бывшая жена Достоевского Тамара Зибунова с дочерью Александрой

— Совершенно верно. И купюры я сделал. Немного, но сделал. Ведь в некоторых случаях есть предел. Еще живы люди, которых это касается. Но ведь нельзя ждать пятьдесят лет. Все помрут — и никто ничего не будет понимать.

— Кому, условно говоря, нужен Аксенов со своим «Идиомам» из тех, кто не жил в советское время?

— Ну, естественно, люди ведь уже не

Достоевскому. Елена приглашена как почетный гость. Потом я читаю ее маленькое интервью, где она говорит, что не приехала туда, потому что у нее не было денег. Вот тут я не выдержал, хотя прошел уже год с появления книги. Я пишу: Лен, ну побойтесь Бога, хотя бы использовать деньги, которые мы вам предлагаем с Ефимовым, чтобы билет купить, можно было? На такое благородное дело. Опять без ответа. В типографию книжка была отправлена в ноябре 2000 года. 2 года Елена молчала. Ни звука. А потом я получил иск... На 27 тысяч долларов. Откуда 27 тысяч? Ну нет таких денег.

Дело еще не закончено. Тяжба не закончена, будут апелляции. Все может еще получиться по-другому. Но высшие инстанции сумму, как правило, не меняют. Они могут отменить все, но сумму они не меняют. И я, честно, знал, что если дело дойдет до суда, то я его, конечно, проиграю. Нарушил? Нарушил. Хорошо. Сколько б мы ни рассуждали о том, что письма — это такое «сомнительное», все-таки это не роман, который я спер у тебя из стола. И вообще — я же его не спер. Ведь это был любовный действительно, ну эпистолярно-любовный, творческий роман. Я не имею в виду, что они были гомосексуалистами. А то думают: раз роман — значит трахаются. Да нет же. Их было двое. Это любовная связь. Были они в браке, не были они в браке — один умер, другой остался. Книга — это их ребенок. Кто распоряжается? Единственный оставшийся родитель. Мне Ефимов передал. Я не украл. Я не купил на аукционе рукопись.

— Кстати, очень странно — я наткнулся в «Огоньке» 98-го года на отношение Достоевской как раз к праву на письма. Которое она безапелляционно присвоила адресату. Теперь уже опубликованные письма Сергея из армии отцу, в стихах, писатель хотел уничтожить. Стеснясь чего-то, вероятно. Елена не дала ему этого сделать, вырвав их и заявив, что права на эти письма он уже не имеет — это собственность отца.

— Ну и память. Или тот же Достоевский пишет Ефимову: «Мы, когда сидели в Ленинграде, тем занимались, что распространяли самиздат. И в обход закона распространяли интересные тексты. И боялись, что нас за это накажут». Иногда наказывали. А теперь получается обратная история. Мы опять распространяем какие-то незаконные тексты, и опять нам грозят судом.

— Вернемся к сумме. Да и зачем она ждала два года — высчитывала твою прибыль?

— Зачем она ждала два года — непонятно. Откуда Лена взяла такую сумму — непонятно. Конечно, две с половиной тысячи долларов предложенного гонорара хуже, чем двадцать семь. Говорят, что ее адвокат пошел в магазин «Москва» и по-

смотрел, сколько стоит книжка, — 110 р. Первый тираж (второй я делать не стал, потому как считаю, что те, кому надо, уже купили эту книгу) составлял 15 тысяч. 110 рублей умножили механически на 15 000 экземпляров и говорят, что это доход. Идиотизм. Производство, расходные материалы, фотографии, работа людей в таком случае ничего не стоят. Опять же циничные люди говорят, что дело было предпринятое, потому что Российская Федерация хочет вступить во Всемирную торговую организацию. А ее не хотят принимать, потому что в России плохо борются с пиратством. Эта история идеально подпадает под схему: русский пират обидел американскую вдовушку, бедную-несчастную, а вот власть встала на ее защиту и наказала пирата.

— Что за бред с уничтожением тиража?

— Вот именно — бред. Желание сжечь тираж — лишнее доказательство нелогичности и внешних обстоятельств, имеющих отношение к книге. Потому что, если ты возражаешь против клеветнической информации, то ты немедленно накладываешь запрет на распространение. А ждать два года, чтобы весь тираж был распродан, и только потом говорить: помнишь, ты у меня украл 3 рубля, так теперь давай 5...

— На самом деле это даже уголовно наказуемо во многих случаях, ибо если ты не сообщил об известном тебе преступлении сразу, то ты пособник по большому счету. Ты держал все это для шантажа два года... А что ж сразу-то?

— Совершенно справедливая логика: дожидаться, когда появится что взять. Хорошую идею мне подсказали на радио «Свобода».

Вышеупомянутому Аркадию Львову, чей роман «Двор» я переиздал, было поручено «попросить у Захарова прислать им пару пачек на радио «Свобода», чтобы они там у себя это распространили, выкупили и т. д. Потому что в хорошем месте, в хорошей стране теперь это надо по \$100 продавать и писать: «Книга изъята из обращения ценой 27 тысяч долларов».

— Ходят слухи, что в этой истории есть еще и политический аспект. Мол, судилище — месть за издание «Прочеченской» Политковской.

— Мы ж люди извращенные. Везде ищем подоплеку...

— Трехходовки...

— Ну да. Пока что это был разовый инцидент. Какой-то там товаровед какого-то книжного магазина, и даже не в Москве, изъят «Вторую чеченскую» Политковской.

— Кстати, решение об издании Политковской — это твоя личная позиция или позиция издателя Захарова? Чисто бизнес — ничего личного?

— Книга Политковской не принесет большой прибыли в России. Это очень тяжелая книга. Большинство людей не хотят читать об этом. Во-первых, они знают, какая гадость творится в Чечне, а во-вторых, они не хотят «про это». Ну, извини, вот ты любишь читать про Освенцим? Ты не можешь любить читать про Освенцим. И про архипелаг ГУЛАГ ты не можешь любить читать. Ты не извращенец.

— Ужас ситуации как раз и заключается в том, что у интеллигенции, которая понимает различные аспекты проблемы, чеченская тема вызывает отторжение. А обыватель, который понимает только черное и белое, кидается на слово «Чечня», и для него соли Политковской являются скорее пропагандой, и пропагандой отнюдь не в пользу интересов страны. А в пользу бандитов. Чеченский Геббельс Удугов потирает на халюву руки...

— Политковская не сказала в этой книге ничего нового. Кроме того, она не делала там никаких выводов, никаких аналитических выкладок. Чистый репортаж о давно всем известных фактах. Надо сказать, у меня был к этой книге некий деловой интерес. Помимо того что, как у азартного издателя, отказ на публикацию в других местах послужил своеобразным руководством к действию, я знал, что есть люди в Германии, готовые купить ее там. Парадокс, но у Политковской при отсутствии изданных в России книг несколько книг на немецком разошлись в Европе бешеными тиражами. И я знал, что, даже не продав книгу на русском, я хорошо продам ее на немецком.

— В общем, Кремль посчитал Захарова политдиверсантом, а он на поверку оказался тем, кем и всегда являлся, — издателем.

— Разумеется.

СПРАВКА

Есть еще одно «пятно» помимо Политковской на политической биографии «Захарова». Это издание на русском языке давно вышедшей в Германии книги воспоминаний немецкой подруги жены Путина. Ничего криминального — просто бытовая «человечинка» про первую леди страны. Несущественные женские слабости, пристрастия и житейские мелочи. Однако. Издатель, несмотря на коммерческий интерес, пытается окольными путями — других нет — выяснить, имеет ли Кремль что-нибудь против. Проверенный «Огонек» с руками отрывает переведенные главы, но две недели спустя дает неожиданный отказ. А книга уже запущена в производство, вложены деньги. Одна газета с одноименным названием тоже дала радостное согласие, но... Спустя еще пару недель очень невразумительно отказала. Совпадение? А книга была уже напечатана. Никакой прямой реакции Кремля на желание издать этот материал так и не поступило. А могли бы и позвонить... Он бы понял. После выхода — опять самая разумная политика умолчания. Все тихо. Кроме суда над «Эпистолярным романом».

В издательском деле Игоря Захарова и его жены Ирины Богат (на фото) всего две политические статьи

Еще наследница — дочь Достоевского от Аси — Мария Пекуровская

понимают разницы между райкомом и райисполкомом. Приходит молодой автор, который в мемуарном тексте пишет, что Пугачева перед поездкой в границу командировку пришла на комиссию старых большевиков, выездную, в РАЙСПОЛКОМ.

— Что говорить, сейчас даже в рядом детективе Донцовской сноска расшифровывается аббревиатура ВЛКСМ.

— Конечно, сейчас уже никто ничего не понимает, и потом: всегда интересно читать «про себя», про свое время. Про меня, про тебя.

Короче, я написал ей письмо. И там я позволил себе, возможно, обидный для Елены Достоевской пассаж. Мол, если бы Софья Андреевна Толстая или Наталья Николаевна Пушкина решали, что печатать, а что не печатать, мы бы сейчас имели весьма обрезанного Толстого, и Пушкина. И, наверное, это неправильно. Потому что есть высший суд — литература, публичные люди. Достоевский и Ефимов писали, совершенно очевидно, для публикации. Работали над текстом. Это ведь не записка: «Петь, приди завтра в 3 часа».

— Из-за чего отказ? Ей ведь предложен гонорар. Или она просто против? Как Баба-яга в известном мультфильме.

— Не знаю. Я ведь не получил от нее ответа. Она теперь говорит, что не получила моего письма. А писем-то на самом деле три было. Последнее — самое забавное. В прошлом году в Петербурге устраивается международная конференция по